

У.Ю. Верина

ORCID: 0000-0002-6015-7160

Минск, Беларусь

E-mail: L22502@yandex.ru

УДК 821.161.1-1(Блок А.)

DOI 10.26170/ufv19-03-02

СТОЛЕТИЕ АЛЕКСАНДРА БЛОКА: ОБЩИЕ МЕСТА И НОВЫЕ МИФЫ

Аннотация. В 1980 г. отмечалось 100 лет со дня рождения А. Блока. Юбилей поэта праздновался очень широко. Был снят художественный фильм-монография «И вечный бой... Из жизни Александра Блока», документальный фильм «Монолог о Блоке», поставлен памятник юному Блоку в Алферьевке, открыты мемориальные доски в Москве и Петербурге, выпущена почтовая марка, в Большом театре состоялось торжественное собрание, по Центральному телевидению транслировался праздничный вечер, начато издание 6-томного собрания сочинений, переиздана книга В. Орлова «Гамаюн», вышли четыре книги «Литературного наследства», посвященные А. Блоку, издавались книги для детей, переводы А. Блока на языки народов СССР и т.д. В фильмах, газетных публикациях, торжественных речах содержались сформированные к 1980 г. представления об А. Блоке как провидце судеб России, провозвестнике революции, как об одном из трех поэтов, которых дала России «революционная Октябрьская эпоха» (Маяковский, Блок, Есенин). Эти «общие места» опирались на ряд тезисов, сконструированных таким образом, чтобы прежде всего устранить понятие сложности, нелинейности пути А. Блока. Однако этот миф уже не соответствовал времени, кризис такого представления стал очевиден, и в 1980 г. проявились признаки формирования нового видения личности Блока. В частности, в 1980 г. возник новый миф о Блоке как «кистинно русском» поэте.

Ключевые слова: литературные юбилеи, литературная репутация, мифотворчество, русская поэзия, русские поэты, поэтическое творчество.

U.Yu. Verina

Minsk, Belarus

HUNDRED YEARS ANNIVERSARY OF ALEXANDER BLOK: COMMON PLACES AND NEW MYTHS

Abstract. In 1980 hundred years anniversary of A. Blok was celebrated. The poet's anniversary was celebrated very widely. The film-monograph "And the eternal battle... From the life of Alexander Blok", the documentary film "The Monologue about Blok" were made, a monument to the young Blok in Alfer'evka, memorial plaques were opened in Moscow and St. Petersburg, a postage stamp was issued, a solemn meeting was held in the Bolshoi Theatre, a festive evening was broadcasted on the Central TV, the publication of 6-volume collection of compositions was

started, book “Gamayun” by V. Orlov was republished, four books of “Literary heritage” dedicated to A. Blok were published, books for children, translations of A. Blok into the languages of the peoples of the USSR, etc. were published. The films, newspaper publications, speeches contained ideas about A. Blok as a visionary of Russia's destinies, the harbinger of the revolution, as one of the three poets given to Russia by the “revolutionary October era” (Mayakovsky, Blok, Esenin), which were formed by 1980. These “common places” were based on a number of these constructed in such a way as to eliminate, first of all, the notion of complexity and non-linearity of A. Blok's path. However, this myth was no longer in line with the times, and the crisis of such a perception became apparent, and in 1980 signs of forming a new vision of the Blok's personality appeared. In particular, a new myth of the Blok as a “true Russian” poet emerged in 1980.

Keywords: literary jubilees, literary reputation, myth-making, Russian poetry, Russian poets, poetic creativity.

Празднование литературных юбилеев в государственном формате отсчитывается в истории России от 1838 г., когда отмечалось 50-летие творческой деятельности Крылова. С этого события берет начало тенденция эксплуатации образа писателя властью. Уже первый литературный юбилей чествовал не Крылова, а «символическую фигуру “знаменитого русского баснописца”» [Лямина 2017: 158].

К 1980 году Блок уже был превращен в «символическую фигуру», миф уже существовал, и в самых разных публикациях, фильмах, выступлениях и мероприятиях обнаруживалась как раз несостоятельность этого мифа. А размах юбилейных мероприятий был подчеркнута велик: торжественный вечер транслировался по Центральному телевидению 29 ноября 1980 г., в субботу, сразу после программы «Время» – в советский прайм-тайм.

Несколько тезисов мифа о Блоке, сформированного к 1980 году, став общим местом, повторялись особенно настойчиво. Первый тезис находим в юбилейной речи и статье С. Наровчатова, произнесенной в Большом театре во время Торжественного собрания, посвященного юбилею Блока, и опубликованной в первой книге «Литературного наследства» на первом месте [Наровчатов 1980]. Тезис таков:

1. Автор «Стихов о Прекрасной даме» принял революцию.

То есть не просто «Блок», не «интеллигент» – именно автор «Стихов о Прекрасной даме». В такой формулировке было важно декадентское, символистское прошлое Блока, означавшее крайнюю степень отдаления от пролетарской культуры. Если другие модернистские течения, футуризм и акмеизм, достаточно ясно были связаны с действительностью (хотя бы декларативно) и легко вписывались в новые требования формировавшейся теории отражения применительно к но-

вому искусству¹, то символизм требовал объяснения своей связи с реальностью. Без объяснений она была не видна, и, надо сказать, что А. Белый еще в 1909 г. подробно разъяснял: «Момент реализма всегда присутствует в символизме...», «...символизм не противоречит подлинному реализму...», а оторванность от действительности лишь кажущаяся, поскольку за реальность принимается «серединное течение жизни», тогда как символизм рассматривает «реализм окружающей видимости» как «отражение некоей возможной полноты» [Белый 1994: 256-257]. Это не отпечаток реальности, не социальный аспект – и потому, конечно, полнота как внимание к «жизни и смерти» никак не соотносилось с марксистским отражением одних материальных форм другими.

2. Второй пункт мифа о Блоке противоречил первому: объявлялось, что Блок не символист и не декадент, и никогда им не был. Ясно это проговорил в фильме 1980 г. «Монолог об Александре Блоке» В.Я. Лакшин. Здесь явное противоречие, но это не препятствует созданию мифа, который не апеллирует к логике.

Формирование этого мифа происходило не только в популярных статьях и передачах. З.Г. Минц в статье «Блок и русский символизм», опубликованной в юбилейном томе «Литературного наследства», суммировала сложившиеся к тому времени подходы и отметила, что ряд ученых, «говоря о зрелом Блоке, либо не касаются прямо проблем художественного метода, либо (вслед за известными работами В. М. Жирмунского и Л. И. Тимофеева), избегая термина «символизм», заменяют его понятием «романтизм», имеющим смысл или родового обозначения (В. М. Жирмунский), или эвфемизма» [Минц 1980: 98]. Многочисленность работ и имен, отказывающих Блоку в символистском прошлом, показательна сама по себе. Мысль Л. К. Долгополова: «Именно в творчестве Блока... символистская поэзия и обрела свои наивысшие достижения», как писала З. Г. Минц, «до сих пор почти уникальна в своей определенности. Но и простое утверждение тезиса: «Блок был и остался символистом» – мало меняет в научном решении вопроса» [Минц 1980: 98-99].

В ее статье высказаны важные идеи об обязательном множественном прочтении «Стихов о Прекрасной Даме», поскольку таков авторский замысел. Земные, реальные люди – и универсальный миф, единство мистических и реальных переживаний – в этом уникальность цикла А. Блока [Минц 1980: 119-120]. Однако множественность не могла быть основой идеологически выверенной биографии поэта и

¹ Например, А. П. Селивановский определил акмеизм в сравнении с символизмом так: «...Более гибкая, более четкая, более мужественная и классово откровенная буржуазная художественная школа <...> ...Акмеизм отворачивался от искусства декаданса» [Селивановский 1959: 237, 272].

трактовки его произведений. Последовательно воплощена идея изначального «реализма» поэзии Блока в книге В. Орлова «Гамаюн» (изд. в 1978, переиздана к юбилею в 1980 г.). Уже в первой главе, где говорится о детстве поэта, каждый факт биографии проиллюстрирован поэтической цитатой из поэмы «Возмездие» – так сразу создано очень убедительное представление о том, что буквально всё в поэзии А. Блока происходит из реальных обстоятельств. Однозначное понимание лирического дневника подхвачено и дальше, и в «Стихах о Прекрасной Даме» автор книги обнаруживает точные места действия, события, даже в строках, где упомянуты гора и лес – точно указано, что это за гора и лес. Смех «на том берегу», кадилльные свечи – эти мистические атрибуты приобретают биографическое толкование. В. Орлов пишет: «Героиня живет на высокой горе, окруженной зубчатой полосой леса, а герой кружит по окрестностям на белом коне.

*Сегодня шла Ты одиноко,
Я не видал Твоих чудес,
Там, над горой Твоей высокой,
Зубчатый простирался лес.*

Это звучит как обращение к Вечной Деве. Но можно понять это и как обращение к Любе Менделеевой, что жила на Бобловском холме, отделенном от Шахматова стеной леса.

Знакомы, узнаются не только детали пейзажа, но и отразившиеся в некоторых стихах житейские обстоятельства.

*Я, отрок, зажигаю свечи,
Огонь кадилльный берегу.
Она без мысли и без речи
На том смеется берегу...*

Казалось бы, стихи вполне отвлеченные. Но можно вспомнить, что за неделю до того, как они были написаны, в Шахматове умер Андрей Николаевич Бекетов и что Блок на панихидах зажигал свечи у гроба. Упомянутая в стихах “белая церковь над рекой” – не просто какая-то церковь, а именно Таракановская, в которой отпевали Андрея Николаевича. И “она”, в самом деле, “смеялась” на другом берегу тихой Лутосни» [Орлов 1980: 121].

Главное, что доказывалось таким путем – и это третий тезис, –

3. Блок был прям и последователен в своем пути к принятию Октября.

В юбилейных публикациях хорошо видны итоги такого спрямления пути¹. В создании образа Блока, в его литературной репутации

¹ Мифологизация хорошо видна в противоречиях. Так, в частности, аннотация и предисловие к книге Д.Е. Максимова, написавшего о мотиве пути в творчестве Блока, не совпадают. В аннотации, составленной редакторами, говорится о пути «к принятию

необходимо было достичь однозначности и лучшим средством – чтобы не оставалось никаких сомнений – оказалась возможность «спросить» самого поэта. В газете «Знамя коммунизма» (№ 230, от 28 ноября 1980 г.) опубликовано «интервью» с Александром Блоком, составленное Гавриилом Петросяном. В этом «интервью» всё формулируется ясно: трех поэтов дала России революция – это Маяковский, Есенин и Блок, и если с первыми двумя всё ясно (Маяковский – автор «Оды революции» и «Левого марша», Есенин – крестьянин), то Блок – «дворянин, утонченный лирик» никак не согласуется с народной революцией [Петросян 1980: 4]. Следуя логике интервьюера, лучше Блока никто не ответит на те вопросы, которые «ставятся сейчас, в 1980 году». Ответы составлены совершенно определенно. Например, первый вопрос: «Ваша поэма “Двенадцать” посвящена революции и принята революционным народом. Но некоторые критики утверждали, что это произведение не характерно для Вашего творчества и слабее всего того, что Вы создали раньше...». И ответ: «“Двенадцать” – какие бы они ни были – это лучшее, что я написал. Потому что тогда я жил современностью... Путь мой в основном своем устремлении – как стрела – прямой, как стрела – действенный...» [Петросян 1980: 4]. «Интервьюер» обещал, что поэт ответит «словами своих произведений», но обещания не исполнил: в данном случае контаминированы слова из воспоминаний Георгия Петровича Блока и из письма поэта Станиславскому. В обоих случаях цитаты еще и сильно сокращены. Двоюродный брат поэта, вспоминая об их встрече в 1920 г., в этом эпизоде разговора считал важнейшей мысль Блока о том, что *сейчас* «нельзя писать», целиком слова звучат так: «“Двенадцать” – какие бы они ни были – это лучшее, что я написал. Потому что я тогда жил современностью. Это продолжалось до весны 1918 года. А когда началась Красная Армия и социалистическое строительство (он как будто поставил в кавычки эти последние слова), я больше не мог. И с тех пор не пишу» [Александр Блок в воспоминаниях современников 1980: 102–103]. Следующие фрагменты – из письма Станиславскому по поводу «Песни Судьбы» – часто цитировались как доказательство новой программы поэта, перелома 1907–1908 гг., поворота к теме России. Однако и здесь был изъят контекст переписки и приведены два фрагмента – наиболее «подходящие» к вопросу о поэме «Двенадцать». Блок в этом письме вообще отвечал на другой вопрос: его ответ Станиславскому касался сомнений последнего в возможности принять какой бы то ни было «изм», кроме реализма, в неспособности пойти «дальше Чехова», чем режиссер де-

поэтом Октябрьской революции», в авторском предисловии к тому же изданию 1981 г. – о сложности этого пути и неизбежных юбилейных упреждениях (см. [Максимов 1981]).

ликратно оправдывал свое непонимание конкретики места действия «Песен Судьбы» («...действие происходит в России! Зачем?»). Блок горячо убеждает Станиславского в обратном, многократно говорит о жизненности пьесы и ее темы. И даже сама фраза, в которой заявлена «тема о России», лишённая блоковского уточнения в скобках (он писал о том, что перед ним стоит «вопрос об интеллигенции и народе, в частности»), приобретает иной смысл. В целом же, в письме Блока содержится внутреннее противоречие, на которое, реализуя идею прямого пути, конечно, не стоило обращать внимания читателя: сразу после таких победных слов о том, что путь – «прямой, как стрела», следовало: «Может быть, только не отточена моя стрела. Несмотря на все мои уклонения, падения, сомнения, покаяния, – я иду» [Блок 1963: 265-266]. «Уклонения, падения, сомнения» совсем не вписывались в концепцию прямого пути.

Неопределенность позиции считалась едва ли не самым страшным преступлением. При подходах к теме «интеллигенция и революция» часто цитировался «интересный, показательный разговор», записанный А.В. Луначарским: «Горький жаловался Ленину на то, что был произведен обыск и даже, кажется, арест одного крупного либерального профессора, и говорил: «Ну как же, Владимир Ильич, разве у вас не колет что-то в сердце? Ведь у этого человека и вы когда-то скрывались». Ленин ответил: «Ну да, – говорит, – он ужасный добряк. В свое время мы скрывались у него от царских жандармов, а теперь он прячет эсеров от нас. И очень хорошо, что у него обыск произвели». «Совершенно понятно, – комментировал Луначарский, – что Ленин никогда не переставал быть революционером, а этот либерал – ни холодный, ни теплый, ни красный, ни белый, а так просто великодушный человек, который не разбирает, что к чему, а такие люди в достаточной степени вредны» (цит. по [Зелинский 1960: 161-162]). К. Зелинский, цитировавший этот разговор, дал в своей книге ясные и непротиворечивые ответы: «Если просто ответить, почему Блок принял Октябрь, можно сказать так: потому что под Октябрьские знамена революционного очищения становилось все самое чистое и святое на земле». Получалась по-своему высокопоэтическая и метафоризированная история о том, как «лунный поэт» Александр Блок принял «огнедышащий Октябрь» [Зелинский 1960: 166].

И все же внутреннее противоречие между идеями одного мифа неизбежно давало о себе знать – в частности, в мотиве перемены, произошедшей с поэтом. В упомянутой речи и юбилейной статье С. Наровчатова говорится о том, что после «Стихов о Прекрасной Даме» *неожиданно* была написана «Фабрика» [Наровчатов 1980: 9] (курсив мой. – У.В.), а в заключительном предложении сказано: «Великий лирический поэт, без-

оговорочно поддерживавший ленинское государство в самую трудную пору его становления, – таким остается Александр Блок в сознании советского народа» [Наровчатов 1980: 15] (курсив мой. – У.В.).

Идея пути была важнейшей в юбилее к 100-летию рождения – именно она позволяла укрепить важное представление о том светлом и правильном, к чему «пришел» Блок. Здесь нельзя не вспомнить юбилеи Пушкина 1924 и 1937 гг., когда важнейшей была идея гибели поэта в борьбе с самодержавием (и несмотря на то, что первый юбилей был приурочен к 125-летию со дня рождения поэта, в стихах-посвящениях преобладал мотив дуэли как битвы Пушкина с самодержавием). Смерть Блока не могла стать «праздничной» датой, потому что она как раз была не нужна и сомнительна: великий поэт, которого, как писали, «дал Октябрь», совсем не много прожил при новой власти и умер, истощенный, уничтоженный. О смерти Блока в юбилейных публикациях почти не говорилось. Светлый путь (совсем как в популярных названиях колхозов), светлое детство – как нельзя лучше служили мифу. И далеко не случайно многие юбилейные публикации выстраивали именно «детский», светлый и оптимистический контекст. Частым в юбилейных публикациях был заголовок «Он весь – дитя добра и света...», первыми в юбилейном выпуске журнала «Новый мир» даны статьи: Валентина Берестова «Вечный юноша», Иманта Зиедониса «Путь поэта». Книги стихов Блока, изданные в 1980 г., иллюстрированные фотографиями семьи и окружения поэта, назывались «Огненные дали», «И невозможное возможно...» (продолжение всем памятно: «...Дорогая долгая легка...») и т. д.

В альманахе «День поэзии» композиция «Блоковской тетради» выстраивает целостный контекст в подобном ключе. Раздел открывается стихотворением «О, я хочу безумно жить...», статьей С. Лесневского «Дитя добра и света...»; далее опубликованы отроческие сочинения А. Блока 1894-1895 гг. в сопровождении рисунков Т. Мавриной, стихи сестер Бекетовых, речь о Блоке В. Бородаевского, прочитанная им в Курском союзе поэтов в 1921 г., и воспоминания двоюродной сестры поэта М. Качаловой, написанные по просьбе редколлегии «Дня поэзии» (завершаются словами: «Мы не считали его мертвым...»). Завершают «Блоковскую тетрадь» два стихотворения: «Эней у берегов Лациума» С. Соловьева и «Деревья» Н. Клюева. От древнегреческой книжности – к народному языку, от подростковой дружбы братьев – к поэме «Двенадцать», в которой, как можно прочесть в аннотации, нашли применение сообщенные Клюевым Блоку слова народных песен.

И даже памятник – единственный, поставленный в 1980 г., – это памятник юному Блоку в Пензенской области, в местах, где когда-то была усадьба А. Н. Бекетова. Юный Блок (видимо, гимназист) стоит в

полный рост, позади него большое дерево, а за памятником – березовая роща. Неподалеку располагались и барельефы братьев Бекетовых. В 1990-е гг. бронзовый памятник был уничтожен, – пострадал в лихие времена, как и усадьба поэта, разграбленная после революции.

В посмертной истории Блока немало таких возвращений, и одно из них связано с формированием нового мифа о нем, который, по сути, был реинкарнацией радикальных трактовок 1930-х гг. Это возвышение его национальных идей, акцент на теме России, произведениях «На поле Куликовом», «Скифы». Реинкарнация видится в следующем. В 1930-е гг., критики – выходцы из РАПП, в частности, А. Селивановский, говорили о том, что Блок принял позицию «националистического анархизма», он лишь первый попутчик советской литературы, но не революционный поэт. В 1980-е гг., когда принятие Блоком Октября было общим местом, априорной программной установкой, т. е. в силу многократного повторения ослаблена была сама идея необходимой «советскости», националистические мотивы вновь оказались на поверхности. В 1980 г. отмечалось 600-летие Куликовской битвы, и многие говорили о знаковости этого совпадения. Еще В. Орлов приводит историю, которую почерпнул в книге С. Маркова «Земной круг»: «Дмитрий Донской поручил осевшим в Крыму итальянским купцам оповестить тогдашнюю Европу о Мамаевом побоище. Среди вестников русской победы был некий сурожский гость Константин Блок (очевидно, датчанин или немец, состоявший на службе у Генуэзской республики)... И было это за 500 лет до того, как появился на свет наш Блок...» [Орлов 1980: 377-378]. Собственно, само заглавие книги В. Орлова, которую в юбилейных анкетах официальных изданий называли лучшей, а в неподцензурных критиковали, делало важнейшей мысль о Блоке – провидце судеб России. С. Куняев в статье, посвященной обоим юбилеям, назвал Блока «лирической ипостасью Дмитрия Донского» [Куняев 1980: 119]. Неподцензурные издания, также уделившие внимание юбилею Блока и давшие негативную оценку и официальным празднествам, и советскому блоковедению, все же в некоторых пунктах сходились с общей линией. Например, анкета журнала К. Бутырина и С. Стратановского «Диалог» показала, что опрошенные выделяли в творчестве поэта его стихи о России, но сам С. Стратановский, упоминая о символичности совпадении юбилеев, высказал мнение о том, что «Куликовская битва – утренняя заря, начало национального возрождения, а Блок – поэт вечерней зари, свидетель гибели старой России» (цит. по: [Борзых 2012: 165]). В анкете «Диалога» высказывались мнения о Блоке как «достоевском» типе «кающегося дворянства» (А. Арьев), и о том, что идеологизация Блока препятствовала изучению других поэтов Серебряного века (К. Бутырин). Последнее

обстоятельство стало очевидно в юбилейном году: 100-летие А. Белого в том же 1980 г. в публикациях почти не заметно (в журнале «Русская литература», № 4, 1980 г., опубликована статья А. В. Лаврова «Неизданные статьи Андрея Белого» с небольшим юбилейным вступительным словом).

Фильм-монография «И вечный бой... Из жизни Александра Блока», вышедший в 1980 г. (реж. Д. Барщевский), суммировал и общие места, и отразил тенденции возвышения исключительной русскости Блока. В первых кадрах полковник Белой гвардии Сергей Александрович диктует приказ о том, кого необходимо казнить по взятии Петрограда. Из писателей он называет Горького и Блока. Машинистка поражена, но полковник объясняет, что Блок написал не только «Незнакомку», но и «Двенадцать» и, рассуждая вслух: Горький – «сам босяк», но Блок – «почему он с ними»? Здесь повторен первый тезис мифа, поданный, однако, с другой стороны – со стороны белых. Полковник говорит о том, что Россия гибнет, потому что «если даже Блок...», – весь заглавный монолог, который произносится до того, как появится название фильма, – носит программный характер.

За кадром голос Блока рассказывает свою биографию, начиная с самого рождения. Фрагменты дневников и писем составлены, разумеется, сценаристами (вспомним «интервью» с Александром Блоком, составленное Г. Петросионом), а кадры кинофильмов В. Пудовкина, Э. Шуб, С. Эйзенштейна и материалы киноархивов добавляют истории подлинности. Этот прием подобен тому, как в книге В. Орлова биография иллюстрируется поэтическими цитатами. В изображении Шахматово, венчания Блока в фильме подчеркнут русский колорит (несколько раз показана девушка в сарафане с косой и караваем, которая потом возникнет в образе Катьки из городской подворотни). При всей необходимой, казалось бы, идеологической выдержанности, в фильме создан ностальгический фон: картины русской дворянской и интеллигентской жизни как бы противопоставлены мятущемуся революционному обновлению. Блок при этом совершенно бесстрастен и отрешен. Звездный актерский ансамбль, в котором многим отведены сцены типа камео, на несколько минут в кадре, продуман таким образом, чтобы не показывать крупным планом лиц хорошо узнаваемых советских деятелей: Горького, Маяковского, Луначарского, – чтобы никто из зрителей не мог сказать: «Не похож». Достаточно много экранного времени уделено З. Гиппиус, внешность которой, конечно, не была широко известна публике (роль исполнила Е. Соловей). И наибольшая загадка – исполнитель главной роли А. Иванов-Сухаревский. Это его первая роль в кино, в 1979 г. он окончил институт, получив режиссерскую специальность. В 90-е гг. Иванов входил в РНЕ и был судим по обви-

нению в разжигании межнациональной розни. Маловероятно, хотя и возможно, что лишь случай сделал выпускника, попавшего на «Мосфильм» по распределению, Александром Блоком в юбилейном фильме, окруженным звездами советского кино.

В 2008 г. в Тараканово установлен памятник, изображающий Блока в косоворотке и сапогах, а Любовь Дмитриевну – в русском сарафане, и это кажется доведенной до точки линией.

Дело, разумеется, не в том, что Блок изображен неправдоподобно (есть юношеские фото, где он одет именно так), а в том, какой именно образ создается и используется. Здесь уместно вспомнить слова Руссо о том, что народу, «общей воле» «следует показать вещи такими, какие они есть, иногда – такими, какими они должны ей представляться...».

В случае с Блоком конструировать образ было непросто, потому что прежде всего он поэт и его образ – это образ поэта вообще. Как писал Г. Алексеев, Блок – «эталон поэта, данный однажды, чтобы знали, с чем сравнивать» [Алексеев 2017, т. 1: 104]. Рассуждения о том, кто похож или не похож на писателя, он превратил в стихотворение: «Вот повар – на повара он не похож, / вот палач – на палача он не похож...»¹, – и в дневнике завершил эту «игру» словами: «Глядя на Блока никому и в голову не могло взбрести, что он не поэт. И как это было чудесно, однако» [Алексеев 2017, т. 3: 160].

В 1980 г., безусловно, было сделано много важного. Кроме изданий «Литературного наследства», мемуаров, собрания сочинений, монографий, было принято решение о восстановлении Шахматова, где более десяти лет любители поэзии собирались на чтения возле камня, привезенного С. Лесневским. Однако в самом размахе юбилейных мероприятий, в их сугубо официальном изводе, замечен кризис идеологии. Кажущаяся и действительная новизна публикаций документов, писем перемешались. В газете «Советская культура» от 28 ноября 1980 г. на первой странице помещена небольшая заметка о том, как празднуется юбилей поэта в стране, а страница, посвященная юбилейным материалам, содержит выдержки из «Литературного наследства», два стихотворения, посвященных Блоку, программную статью Л. Долгополова «Поэт и Октябрь», и здесь же – заметка о судьбе книги «Кобзарь» в библиотеке поэта. Так может выглядеть лишенное ясного смысла представление – нужное, чтобы заполнить какую-то пустоту. Юбилей 1980 г. показал, что наступило время промежутка, когда нельзя широко оповестить о действительных достижениях в блоковедении (здесь надо назвать, конечно, Блоковские сборники, выходившие в

¹ Это вариант из дневников, в стихотворении 1982 г. будет конкретнее: «Вот слесарь / на писателя / он пожалуй не похож / вот повар / на писателя / он едва ли похож...».

Тарту с 1964 г.), образ Блока-революционера уже анахроничен, а Блок-гамаюн в косоворотке – лишь попытка найти новый востребованный массами и идеологически внятный смысл этого образа.

ЛИТЕРАТУРА

Александр Блок в воспоминаниях современников : в 2 т. / вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. Вл. Орлова. М. : Худож. лит., 1980. Т. 1. 552 с.

Алексеев Г. Неизвестный Алексеев: Неизданная проза Геннадия Алексеева : в 4 т. СПб. : Геликон Плюс, 2017.

Белый А. Символизм // Белый А. Символизм как миропонимание. М. : Республика, 1994. С. 255-259.

Блок А. Собр. соч. : в 8 т. М. ; Л. : ГИХЛ, 1963. Т. 8. Письма (1898-1921). 771 с.

Борzych О. В. Личность и творчество Александра Блока в оценке журнала «Диалог» (1980) // Вестн. Перм. ун-та. Сер. Рус. и заруб. фил. 2012. Вып. 2 (18). С. 164-168.

Зелинский К. На рубеже двух эпох. Литературные встречи 1917-1920 годов. М. : Сов. писатель, 1960. 338 с.

Куняев С. В доспехах протого воина // Поэзия: альманах, вып. 27. М. : Мол. гвардия, 1980. С. 112-121.

Лямина Е. Крылов и многие другие: генезис и значение первого литературного юбилея в России / Е. Лямина, Н. Самовер // Новое лит. обозрение. 2017. № 3 (145). С. 158-177.

Максимов Д. Е. Поэзия и проза А. Блока. Л. : Сов. писатель, 1981. 552 с.

Мицз З. Г. Блок и русский символизм // Александр Блок: Новые материалы и исследования / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. М. : Наука, 1980 (Лит. наследство; т. 92). В 4 кн. Кн. 1. С. 98-172.

Наровчатов С. С. Слово о Блоке // Александр Блок: Новые материалы и исследования / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. М. : Наука, 1980 (Лит. наследство; т. 92). В 4 кн. Кн. 1. С. 9-15.

Орлов В. Гамаюн. Жизнь Александра Блока. Л. : Сов. писатель, 1980. 726 с.

Петросян Г. Интервью с Александром Блоком // Знамя коммунизма. 1980. № 230 (28 ноября). С. 4.

Селивановский А. П. Октябрь и дореволюционные поэтические школы // Селивановский А. П. В литературных боях: Избр. статьи и исследования (1927-1936). М. : Сов. писатель, 1959. С. 236-306.

REFERENCES

Aleksandr Blok v vospominaniyakh sovremennikov : v 2 t. / vstup. st., sost., podgot. teksta i komment. VI. Orlova. M. : Khudozh. lit., 1980. T. 1. 552 s.

Alekseev G. Neizvestnyy Alekseev: Neizdannaya proza Gennadiya Alekseeva : v 4 t. SPb. : Gelikon Plyus, 2017.

Belyy A. Simvolizm // Belyy A. Simvolizm kak miroponimanie. M. : Respublika, 1994. S. 255-259.

Blok A. Sobr. soch. : v 8 t. M. ; L. : GIKhL, 1963. T. 8. Pis'ma (1898-1921). 771 s.

Borzykh O. V. Lichnost' i tvorchestvo Aleksandra Bloka v otsenke zhurnala «Dialog» (1980) // Vestn. Perm. un-ta. Ser. Rus. i zarub. filol. 2012. Vyp. 2 (18). S. 164-168.

Zelinskiy K. Na rubezhe dvukh epokh. Literaturnye vstrechi 1917-1920 godov. M. : Sov. pisatel', 1960. 338 s.

Kunyaev S. V dospekhakh prostogo voina // Poeziya: al'manakh, vyp. 27. M. : Mol. gvardiya, 1980. S. 112-121.

Lyamina E. Krylov i mnogie drugie: genezis i znachenie pervogo literaturnogo yubileya v Rossii / E. Lyamina, N. Samover // Novoe lit. obozrenie. 2017. № 3 (145). S. 158-177.

Maksimov D. E. Poeziya i proza A. Bloka. L. : Sov. pisatel', 1981. 552 s.

Mints Z. G. Blok i russkiy simvolizm // Aleksandr Blok: Novye materialy i issledovaniya / AN SSSR. In-t mirovoy lit. im. A.M. Gor'kogo. M. : Nauka, 1980 (Lit. nasledstvo; t. 92). V 4 kn. Kn. 1. S. 98-172.

Narovchatov S. S. Slovo o Bloke // Aleksandr Blok: Novye materialy i issledovaniya / AN SSSR. In-t mirovoy lit. im. A.M. Gor'kogo. M. : Nauka, 1980 (Lit. nasledstvo; t. 92). V 4 kn. Kn. 1. S. 9-15.

Orlov V. Gamayun. Zhizn' Aleksandra Bloka. L. : Sov. pisatel', 1980. 726 s.

Petrosyan G. Interv'yu s Aleksandrom Blokom // Znamya kommunizma. 1980. № 230 (28 noyabrya). S. 4.

Selivanovskiy A. P. Oktyabr' i dorevolyutsionnye poeticheskie shkoly // Selivanovskiy A. P. V literaturnykh boyakh: Izbr. stat'i i issledovaniya (1927-1936). M. : Sov. pisatel', 1959. S. 236-306.

Данные об авторе

Верина Ульяна Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской литературы, Белорусский государственный университет (Минск).

Адрес: 220030, Беларусь, г. Минск, пр. Независимости, 4.

E-mail: verina14@rambler.ru.

Author's information

Verina Ulyana Yur'evna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Literature, Belarusian State University (Minsk).